

Нѣсколько словъ объ участи духовенства въ религиозномъ образованіи народа.

Въ № 1 журнала „Народная школа“ за нынѣшній годъ обращаетъ на себя особенное вниманіе статья О. І. Стаса о религиозномъ образованіи народа. Представляя по своему содержанію живой интересъ для всякаго, кому дорого религиозное образованіе народа, статья эта особенно поучительна для сельскихъ священниковъ Кавказской Епархіи, такъ какъ въ ней слышится энергическій голосъ одного изъ пастырей—законоучителей этой Епархіи. По этой причинѣ считаемъ за необходимое познакомить съ содержаніемъ этой статьи читателей Кавказскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей и сказать по поводу ея нѣсколько словъ.

Упомянувъ въ началѣ статьи объ усиленной дѣятельности нашего правительства и общества на пользу народнаго образованія въ послѣдніе годы, авторъ въ слѣдующихъ чертахъ изображаетъ отношеніе современнаго сельскаго духовенства къ народному образованію: „Наше сельское духовенство, „за весьма рѣдкими, правда, очень яркими и весьма отрад-

ними исключениями, слишком слабо поддается общему движению (на пользу народного образования), как-то апатично относится къ этому дружному увлечению и правительства, и общества нашего. Оно и въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, идетъ слишкомъ осторожно, слишкомъ поддается своимъ консервативнымъ принципамъ (*). Конечно, консерватизмъ — почтенная вещь, но все имѣетъ цѣну въ свое время, въ свое мѣсто, — всему должна быть мѣра; иначе консерватизмъ можетъ перейти въ косненіе, обскурантизмъ. Нельзя довольствоваться ролью наблюдателя, подчасъ лукаваго, ставить себя въ положеніе Омы невѣрующаго, но тѣмъ болѣе смотреть равнодушно тамъ, гдѣ дѣло касается разработки насущнаго нравственнаго вопроса, съ которымъ связано и нравственное, и матеріальное положеніе наше, который, наконецъ, начинаетъ колебать подъ ногами нашими почву. Это значитъ не понимать не только общихъ интересовъ, а и своихъ личныхъ; это значитъ не дорожить и той долей влияния, которою мы пользуемся въ народѣ и обществѣ въ силу историческихъ традицій, въ силу святости дѣла, къ которому мы призваны, но въ которомъ исполняемъ (да и то не всегда добросовѣстно) то, что легче для насъ, что достигается простымъ навыкомъ, что не требуетъ ни ума, ни сердечнаго увлеченія, (**), забывая слова нашего Божественнаго Учителя, что и сіе надлежало дѣлать и важнѣйшаго не оставлять. (Матѣ. 23, 23)... На насъ еще такъ недавно рассчитывали много, надѣялись и... оставили насъ, другіе взяли нашу работу; мы, предназначавшіеся быть первы-

(*) Мы думаемъ напротивъ, что, относясь равнодушно и безучастно къ дѣлу народнаго образования, духовенство этимъ самымъ измѣняетъ консервативнымъ принципамъ и вѣковымъ преданіямъ. Исторія Россіи свидѣтельствуетъ, что съ самаго введенія христіанства, въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ, одно духовенство занималось дѣломъ народнаго образования. Правда, это образованіе шло слишкомъ недалеко, но и оно приносило большую пользу. Даже и въ нынѣшнемъ столѣтіи образованіе народа долгое время было преимущественно въ рукахъ духовенства. *Примѣч. Ред.*

(**) Сердечное увлеченіе требуется и при исполненіи того дѣла, которое разумѣетъ здѣсь авторъ; къ сожалѣнію, оно рѣдко возбуждается и проявляется. *Примѣч. Ред.*

ми въ этомъ дѣлѣ, остались въ послѣднихъ. Конечно, вся работа эта не подь силу намъ, физически невозможна для насъ однихъ: она требуетъ и специальной подготовки, въ особенности практической, и много времени; но ни той, ни другимъ мы не можемъ воспользоваться въ должной мѣрѣ, особенно послѣднимъ: оно значительно расходуется и на другія области нашей общественной и частной дѣятельности; но на нѣтъ и суда нѣтъ; отъ насъ требуютъ только, чтобы мы взяли свою специальность въ этой специальной работѣ, чтобы мы добросовѣстно исполняли въ ней то, что по праву принадлежитъ намъ, что составляетъ нашу священную обязанность по духу, по существу дѣла, и что, притомъ, требуетъ отъ насъ времени очень незначительнаго—не болѣе двухъ, трехъ часовъ въ недѣлю; но въ томъ—то и дѣло, что мы и отъ этой обязанности отказываемся, отъносимся къ ней апатично, не находимъ будто возможности удѣлить для ней такого незначительнаго времени, приносимъ ее въ жертву матеріальныхъ расчетовъ. Фактъ этотъ общезвѣстный: достаточно просмотрѣть отчеты инспекторовъ народныхъ школъ, чтобы убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ, чтобы не находить въ нихъ преувеличенія. Итакъ, вотъ что преступно (съ нравственной точки зрѣнія, разумѣется), вотъ что досадно, вотъ что невыносимо намъ, вотъ за что поносить насъ и проносить наше имя по всей необъятной Россіи и—по дѣломъ.“

Причины этого грустнаго явленія въ жизни нашего сельскаго духовенства авторъ находитъ въ недостаточности его умственнаго и нравственнаго развитія, въ отсутствіи возможности продолжать это развитіе при той обстановкѣ, какая существуетъ въ деревенской жизни, въ матеріальномъ положеніи и семейномъ быту. При всемъ томъ, означенныя обстоятельства, по словамъ автора, нисколько не извиняютъ бездѣятельности духовенства по религіозному образованію народа, тѣмъ болѣе, что, со стороны правительства и общества оказывается дѣятельная поддержка и поощреніе лицамъ, добросовѣстно трудящимся по народному образованію. Отсюда авторъ выводитъ такое заключеніе, что бездѣятельность духовенства по религіозному образованію народа есть явленіе

ние ненормальное, которому долженъ быть полезенъ, конечно, и выражаетъ надежду, что само духовенство, съ большими развитіями, съ лучшимъ матеріальнымъ положеніемъ своимъ, положитъ конецъ этому явленію. До тѣхъ же поръ, пока эта надежда сбудется, по мнѣнію автора, нужно принять мѣры, которыя бы дали возможность дополнять пробѣлы, оставаемые въ народной школѣ бездѣятельностью духовенства. Одну изъ такихъ мѣръ авторъ представляетъ на судъ читателей, именно, онъ считаетъ полезнымъ поручить преподаваніе закона Божію въ народныхъ школахъ учителямъ этихъ школъ, получившимъ образованіе въ учительскихъ семинаріяхъ; за усидчивость и благонадежность веденія этого дѣла, по словамъ автора, ручаются, какъ образованіе народныхъ учителей въ учительскихъ семинаріяхъ, такъ и самая среда ихъ учительской дѣятельности, а потому имъ нужно дать право на веденіе этого дѣла, какъ дано оно духовнымъ семинаристамъ, которые въ этомъ отношеніи, не имѣютъ предъ ними никакого преимущества и даже уступаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Въ заключеніе статьи авторъ выражаетъ желаніе, чтобы, по вопросу о дозволеніи преподавать законъ Божій въ народныхъ школахъ лицамъ, получившимъ образованіе въ свѣтскомъ учебномъ заведеніи, высказались лица, интересующіеся народнымъ образованіемъ, а особенно сельское духовенство, такъ какъ этотъ вопросъ, ближе всего касается его нравственныхъ интересовъ.

Прочитавъ эту статью, мы глубоко задумались. Прежде всего въ насъ родился вопросъ: не преувеличиваетъ ли авторъ дѣйствительное положеніе дѣла, не слишкомъ ли рѣзко онъ относится къ сельскому духовенству, называя его анахроничнымъ къ религіозному образованію народа. Хотя мысли автора и тонъ, въ какомъ онъ изложены, свидѣтельствуютъ объ искреннемъ горячемъ желаніи блага сельскому духовенству, мы однакожь затруднились согласиться съ тѣмъ подobenіемъ, что масса нашего сельскаго духовенства равнодушна къ религіозному образованію дѣтей; какъ-то больно тяжело согласиться съ этою мыслию. И вотъ мы рѣшились проверить справедливость ея по тѣмъ даннымъ, какия могли достать, прочитавъ выдержки изъ отчетовъ инспекторовъ на-

родныхъ школь о состояніи училищъ, помѣщенный въ свѣдѣніяхъ книжкахъ журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за прошлый 1872 годъ; здѣсь намъ встрѣтились и извлеченія изъ отчетовъ о состояніи народныхъ училищъ въ предѣлахъ Кавказской Епархіи. При чтеніи отчетовъ объ училищахъ въ разныхъ губерніяхъ Россіи, попадались нѣредко неслестные отзывы о дѣятельности законоучителей—священниковъ, попадались свѣдѣнія о томъ, что законъ Божій преподается и не священниками, но наряду съ неблагопріятными отзывами встрѣчалось много и хорошихъ, такъ что нельзя было вывести общаго заключенія о равнодушіи или апатіи духовенства къ религіозному образованію. Но изъ свѣдѣній о состояніи народныхъ училищъ на Кавказѣ мы увидѣли, что сельское духовенство здѣсь дѣйствительно, апатично къ обученію дѣтей закону Божію. Такъ, по словамъ отчета объ училищахъ Кубанской области за 1871 г. весьма слабый предметъ преподаванія въ народныхъ школахъ—законъ Божій; большинство законоучителей относится къ этому важному дѣлу совершенно пассивно; въ 38 станичныхъ училищахъ священники вовсе не преподають закона Божія; въ 11 остальныхъ они считаются законоучителями, но большая часть ихъ рѣдко посѣщаютъ ихъ. Почти тоже сказано и въ отчетѣ о народныхъ училищахъ Ставропольской губерніи: изъ числа всѣхъ 52 сельскихъ школь, при 4-хъ состоятъ учителями мѣстные священники, которые преподають и законъ Божій; изъ прочихъ же 48 народныхъ сельскихъ училищъ, въ которыхъ наставники не имѣють духовнаго сана, только 8 училищъ пользуются, и то далеко не всегда аккуратно, уроками по закону Божію отъ священниковъ. Итакъ высказанная авторомъ мысль о равнодушіи сельскаго духовенства къ религіозному образованію народа въ приложеніи въ духовенству Кавказской Епархіи оказывается горькою истиною, безъ всякихъ преувеличеній. И, что всего прискорбнѣе, ничѣмъ нельзя оправдать это равнодушіе. Изъ отчета объ училищахъ въ Кубанской области видно, что сельскіе священники чаще всего ссылаются на недосугъ, на трудность совмѣстить обязанности законоучительства съ обязанностями по управленію церковныхъ дѣлъ. Но сельска

эта была бы резонна только въ томъ случаѣ, когда отъ священника требовалось бы преподаваніе всѣхъ предметовъ въ народной школѣ; для преподаванія же закона Божія требуется такъ немного времени, что въ самомъ многолюдномъ приходѣ всегда есть полная возможность удѣлить на это занятіе нѣсколько часовъ въ недѣлю. Нѣкоторые священники ссылаются на недостаточность или отсутствіе вознагражденія за труды законоучительства. Но противъ этого можно сказать, что обученіе дѣтей закону Божию есть одна изъ прямыхъ обязанностей пастыря, за исполненіе которой онъ не имѣетъ права требовать вознагражденія; притомъ же опытъ показываетъ, что усердные труды законоучителей—священниковъ не остаются безъ вознагражденія, какъ со стороны правительства, такъ и со стороны прихожанъ. Еще меньше вѣса имѣютъ другія обстоятельства, приводимыя въ извиненіе безучастнаго отношенія священниковъ къ преподаванію закона Божія.

Послѣ этого нельзя не согласиться съ тою мыслью, что безучастное отношеніе священниковъ къ преподаванію закона Божія есть явленіе ненормальное, которому долженъ быть положенъ конецъ. По нашему мнѣнію, если будетъ продолжаться равнодушіе священниковъ къ этому дѣлу, то въ самомъ недалекомъ будущемъ нужно ожидать осуществленія той мѣры, какую предлагаетъ авторъ приводимой статьи, что поведетъ за собою послѣдствія, весьма неблагоприятныя для духовенства. Мы не имѣемъ ничего сказать противъ того положенія, что воспитанники учительскихъ семинарій могутъ съ успѣхомъ преподавать законъ Божій въ народныхъ школахъ; согласимся и съ тѣмъ, что они будутъ благонадежны по своему направленію и не подорвутъ религіозности въ народѣ; но полагаемъ, что какъ скоро имъ по праву будетъ предоставлено преподаваніе закона Божія, то неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого будетъ еще большее уклоненіе священниковъ отъ законоучительства, а затѣмъ и упадокъ авторитета духовенства въ глазахъ народа. Тогда школьный учитель, естественно, будетъ пользоваться большимъ уваженіемъ народа, нежели священникъ. Само по себѣ, это обстоятельство не имѣетъ особеннаго значенія для успѣховъ религіознаго образованія народа, но оно важно по тѣмъ послѣдствіямъ, ка-

кихъ нужно ожидать отъ него: какъ скоро народный учитель приобрѣтетъ больше авторитета, чѣмъ священникъ, то, естественно, между нимъ и священникомъ возникнетъ антагонизмъ, который поведетъ за собою разладъ и въ народѣ. Кромѣ того, упадокъ авторитета духовенства, по свидѣтельству исторіи, ведетъ за собою и ослабленіе вѣры и усердія къ церкви. По нашему мнѣнію, вмѣсто того, чтобы возводить въ законъ допускаемое необходимостію дозволеніе преподавать законъ Божій въ народныхъ школахъ учителямъ, получившимъ образованіе въ учительскихъ семинаріяхъ, лучше принять дѣйствительныя мѣры къ тому, чтобы каждый сельскій священникъ былъ непременно и законоучителемъ въ народной школѣ.